

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О СВОБОДЕ

А.А. Юрасов

В статье рассматриваются взгляды Аристотеля на свободу. Показано, что, вопреки мнениям некоторых историков философии, принцип альтернативных возможностей восходит к Аристотелю и, согласно Аристотелю, свобода не означает преобладание разума. Приведено опровержение тезиса Аристотеля о том, что сознательный выбор относится только к средствам, но не к целям.

Ключевые слова: Аристотель, свобода воли, принцип альтернативных возможностей, моральная ответственность, сознательный выбор, принятие решений, добровольность.

ARISTOTLE'S DOCTRINE OF FREEDOM

А.А. Yurasov

The article considers Aristotle's view on freedom. It is shown that, contrary to the opinions of some historians of philosophy, the principle of alternative possibilities goes back to Aristotle and, according to Aristotle, freedom does not mean the predominance of reason. There is a refutation of the thesis of Aristotle that a conscious choice applies only to means but not objectives.

Key words: Aristotle, free will, principle of alternative possibilities, moral responsibility, conscious choice, decision-making, voluntariness.

Исходным пунктом учения Аристотеля о свободе, как и других его взглядов, была критика философии Платона. Согласно Платону душа самостоятельно избирает для себя образ жизни [12: 249a]. Излагая эти взгляды в виде мифа, Платон в диалоге «Государство» выразил их в словах прорицателя, обращенных к душам: «Не вас получит по жребию гений, а вы его себе выберете сами. Чей жребий будет первым, тот первым пусть выберет себе жизнь, неизбежно ему предстоящую¹. Добродетель не есть достояние кого-либо одного: почитая или не почитая ее, каждый приобщится к ней больше либо меньше. Это – вина избирающего: бог невиновен» [10: 617e]. Здесь, вероятно, впервые в истории философии обозначена связь теодицеи с человеческой свободой и ответственностью. По Платону, свобода наряду с другими добродетелями является украшением души, причем не чужим, а доподлинно ей принадлежащим [11: 114e, 115a]. Представление Сократа о том, что добродетель есть путь к свободе, получило развитие у Платона в контексте его теории идей. Душа обретает истинную свободу через созерцание идей. Если человек лишен такого созерцания, то он подобен узнику пещеры, т.е. несвободен. Учение Платона, по выражению П.Е. Астафьева, ставит свободу в замировом мире [1: с. 290]. Таким образом, можно утверждать, что Платон предвосхитил учения о трансцендентальной свободе. Так, по сло-

вам Ф. Ницше, представление о том, что человек сам наделяет себя качествами, «имеет место в учении Канта, как "интеллигибельная свобода", а может быть, уже и у Платона» [9: с. 587]. Впрочем, как подчеркивает А.А. Столяров, «...никакой связной концепции судьбы и "зависящего от нас" у Платона, по-видимому, не было» [13: с. 169].

Критикуя учение Платона, Аристотель отрицал существование идеи блага и говорил, что «даже если есть единое благо, которое совместно сказывается [для разных вещей], или же некое отдельное само по себе благо, ясно, что человек не мог бы ни осуществить его в поступке, ни приобрести» [3: I, 4, 1096b]. Представление Платона о созерцании идей как способе обретения свободы сталкивается с той трудностью, что идеи и, в частности, идея блага есть внешний по отношению к человеку источник детерминаций. Аристотель писал, что «если сказать, что поступки, доставляющие удовольствия и прекрасные, подневольны, – ведь, будучи вне нас, удовольствие и прекрасное принуждают, – то тогда, пожалуй, все поступки окажутся подневольными, потому что мы все делаем ради удовольствия и прекрасного» [3: III, 1, 1110b]. Комментируя эту мысль, Н.В. Брагинская отмечала, что «мнение, которое критикует Аристотель, основано на понимании прекрасного и доставляющего удовольствие как объективных "вещей"; в действительности вещи оцениваются как прекрасные и доставляющие удовольствие субъективно, следовательно, человек сам является источником действий, цель которых – удо-

¹ Ср. с тезисом Гераклита, что «характер человека есть его демон» [7: с. 309].

Юрасов Андрей Александрович – кандидат философских наук, президент Благотворительного фонда «Чувство дома» (г. Москва).

Yurasov Andrey Alexandrovich – Candidate of Science (Philosophy), President of the Charity Foundation «Feeling of home» (Moscow).

E-mail: yurasov@chuvstvo-doma.ru

© Юрасов А.А., 2019

вольствие и прекрасное» [4: с. 392–393]. Аристотель говорил, что «причинами принято считать природу, необходимость, случай, а кроме того, ум и все, что исходит от человека» [3: III, 5, 1112a] и что «мы не можем возводить наши поступки к другим источникам, кроме тех, что в нас самих» [3: III, 7, 1113b].

Подробный анализ добровольности (произвольности) поступков, сознательного выбора (преднамеренности) и решения, проведенный Аристотелем в связи с тем, что он усматривал их тесную связь с нравами, с одной стороны, внес значительный вклад в разработку проблемы свободы воли, а с другой стороны, содержал противоречия, которые будет полезно обсудить. Они возникли уже при попытке дать определение добровольных поступков и пояснить его на примерах. Выделяя среди недобровольных поступков совершаемые подневольно и по неведению, Аристотель в качестве примера подневольного поступка приводил ситуацию, когда «человека куда-либо доставит морской ветер или люди, обладающие властью» [3: III, 1, 1110a]. Из этого примера ясно, что те ситуации, которые Аристотель называл поступками, совершаемыми подневольно, вообще нецелесообразно именовать поступками, поскольку это не то, что человек совершает, а то, что с ним происходит. Возможно, правда, возражение, что это всего лишь особенность терминологии Аристотеля, не приводящая к противоречиям в его концепции. Однако далее мы с ними сталкиваемся. Аристотель определял добровольное как «то, источник чего – в самом деятеле, причем знающем те частные обстоятельства, при которых поступок имеет место» [3: III, 3, 1111a]. Это определение несовместимо с утверждением Аристотеля, что «все совершенное по неведению является не добровольным, но недобровольно оно, только если заставило страдать и раскаиваться» [3: III, 2, 1110b]. В самом деле, представление, что недобровольный поступок, совершенный по неведению, «должен заставлять страдать и раскаиваться» [3: III, 2, 1111a], должно было бы следовать из определения добровольного, но этого нет. Например, поступок, совершенный по неведению и нанесший кому-то ущерб, который безразличен для самого деятеля (то есть не заставляет его страдать и раскаиваться), согласно определению добровольного не добровольен, а согласно вышеуказанному дополнительному условию добровольен.

Наряду с разграничением добровольного и недобровольного ключевой для Аристотеля является идея сознательного выбора [3: III, 4, 1111b] как «того, о чем заранее принято решение» [3: III, 4, 1112a]. «Кажется, впрочем, что сознательный выбор и есть добровольное, однако [эти понятия] не тождественны, но [понятие] добровольного шире: к добровольному причастны и дети, и другие живые существа, а к сознательному выбору – нет» [3: III, 4, 1111b]. Аристотель также демонстрировал отличие сознатель-

ного выбора от целого ряда феноменов: «вероятно, неправильно определяют сознательный выбор как влечение, яростный порыв, желание или определенное мнение» [3: III, 4, 1111b]. Сознательный выбор «самым тесным образом связан с добродетелью и еще в большей мере, чем поступки, позволяет судить о нравах» [3: III, 4, 1111b]. Э.Г. Целлер писал, что, согласно Аристотелю, «определение воли становится добродетелью, лишь когда оно есть длительное направление, принципиально установленное настроение, как оно возможно только у зрелого человека» [14: с. 201]. Сознательный выбор выражает заранее принятое решение и является волей, его принимающей и реализующей. «Предмет решения и предмет выбора одно и то же, только предмет выбора уже заранее строго определен, ибо сознательно выбирают то, что одобрено по принятии решения, потому что всякий тогда прекращает поиски того, как ему поступить, когда возвел источник [поступка] к себе самому, а в себе самом – к ведущей части души, ибо она и совершает сознательный выбор. Это ясно и на примере древних государственных устройств, изображенных Гомером, ибо цари извещали народ о выборе, который они уже сделали» [3: III, 5, 1113a].

Можно показать, что главной ошибкой аристотелевской концепции сознательного выбора является мнение, будто «он касается средств к цели» [3: III, 5, 1113a], но не самой цели. Для Аристотеля эта мысль, которая впоследствии была некритически воспринята некоторыми христианскими мыслителями, была ключевой. Он неоднократно возвращался к ней: «не цель бывает предметом решения, а средства к цели» [3: III, 5, 1112b]; «цель – это предмет желания, а средства к цели – предмет принятия решений и сознательного выбора» [3: III, 7, 1113b]. Однако, во-первых, аргумент, приводимый Аристотелем в поддержку данного тезиса, не выдерживает критики, а во-вторых, нетрудно обосновать, что сознательный выбор может иметь своим предметом цель.

Аргументация Аристотеля такова: «Решение наше касается не целей, а средств к цели, ведь врач принимает решения не о том, будет ли он лечить, и ритор – не о том, станет ли он убеждать, и государственный муж – не о том, будет ли он устанавливать законность, и никто другой из прочих мастеров [не сомневается] в целях, но, поставив цель, он печется о способах и средствах ее достигнуть» [3: III, 5, 1112b]. Но разве не потому врач не принимает решение лечить, что он принял его еще до того, как стал врачом? И разве такие цели, как стать врачом и лечить людей, были только предметами желания, а не сознательного выбора? Теперь же, когда этот человек уже стал врачом, ему не требуется принимать решение лечить, и именно в силу того, что поиски прекращаются, когда человек возвел источник поступка к самому себе и остается лишь выполнять заранее принятое решение.

Если бы мы утверждали, что предмет сознательного выбора ограничивается сферой средств к цели, то тем самым проигнорировали бы важный аспект самоопределения личности – ее способность сознательно выбирать свои цели. Постановка целей, конечно, может совершаться и без сознательного выбора, спонтанно, посредством желания, но так бывает далеко не всегда. И чем значительнее цель, тем больше, как правило, люди склонны размышлять над ней, прежде чем стараться ее достигнуть. Следует, правда, иметь в виду, что «у Аристотеля *желание* отличается от *влечения* (стремления к чувственным удовольствиям) своей интеллектуальной составляющей, сознательной сосредоточенностью воли на определенном благе» [4: с. 393]. Но даже с учетом этой терминологической особенности было бы явной натяжкой утверждать, что цели всегда являются лишь предметом желания, а не сознательного выбора.

Аристотель подчеркивал, что «от нас зависит, быть нам добрыми или дурными» [3: III, 7, 1113b]. Но как это возможно, если, с одной стороны, именно сознательный выбор тесно связан с нравами, а с другой стороны, он не касается постановки ни хороших, ни дурных целей? Это противоречие возникает, поскольку тезис о том, что цели не могут быть предметом сознательного выбора, является неверным. Аристотель также рассматривал возражение против идеи добровольности добродетелей и пороков, согласно которому «все стремятся к тому, что кажется [им] благом, но не властны в том, что [именно им таковым] кажется, и, каков каждый человек сам по себе, такая и цель ему является» [3: III, 7, 1114a]. Ответ Аристотеля на это возражение заключался в том, что либо цели зависят от человека, поскольку от него зависят его нравы, либо цели задаются природой, «зато все остальное добропорядочный человек делает добровольно, – [в любом случае] добродетель есть нечто добровольное и порочность добровольна ничуть не менее. Соответственно, и у порочного есть самостоятельность, если не в [выборе] цели, то в поступках» [3: III, 7, 1114b]. Этот ответ, на мой взгляд, неубедителен. Влияние человека на собственные нравы осуществляется прежде всего через сознательный выбор. И если он не касается целей, то и сформированные под его влиянием нравы не будут определять характер целей. Неверно и то, что для добровольности добродетели безразлично, добровольно ли установлены цели. Ведь если цели возникли у человека недобровольно, то может оказаться, что он не по своей воле обладает дурными целями, и тогда, какие бы средства для их достижения он ни выбрал, его поступки хорошими не будут. Добродетель состоит, очевидно, не в том, чтобы быть нерасторопным в достижении дурных целей, и человек не может быть добродетельным, если по преимуществу стремится к дурным целям. Итак, тезис Аристотеля о том, что сознательный выбор касается только средств, но не целей, несостоятелен.

Исключительно важным для разработки проблемы свободы воли является мнение Аристотеля, что свобода предполагает наличие альтернативы: если поступок совершен добровольно, то у человека была возможность отказаться от его совершения. В современных философских дискуссиях о свободе воли важную роль играет *принцип альтернативных возможностей*, в соответствии с которым, «чтобы агент был свободен в действии и нес моральную ответственность, он должен иметь возможность поступить иначе» [5: с. 139]. Несмотря на то, что у Аристотеля нет такой формулировки, ее смысл выражен в его этическом учении, и поэтому есть все основания утверждать, что принцип альтернативных возможностей восходит к Аристотелю². С этим был категорически не согласен Фреде, по мнению которого такая трактовка неверно представляет позицию Аристотеля. Фреде интерпретировал концепцию Аристотеля следующим образом: «Если что-то зависит от нас, мы можем выбрать сделать это. Мы можем также потерпеть неудачу в том, чтобы выбрать сделать это. Но потерпеть неудачу в том, чтобы выбрать сделать это, с учетом аристотелевской концепции выбора не то же самое, что выбрать не делать этого. Мы видели это на примере *акрасии*» [15: с. 29]. Аристотель критиковал Сократа за то, что тот «упраздняет внеразумную часть души» [2: I, 1, 1182a], и утверждал, что в случае слабоволия (акрасии) человек действует не так, как ему предписывает разум. В таких ситуациях, как подчеркивал Фреде, человек не совершает сознательный выбор, а лишь терпит неудачу в том, чтобы его совершить. Как можно видеть из приведенной выше цитаты Фреде, в его трактовке Аристотеля смешаны понятия *зависящего от нас* и *выбора*. Аристотель не утверждал, что «если что-то зависит от нас, мы можем выбрать сделать это» [15: с. 29]. Все добровольное зависит от нас, но не все добровольное есть сознательно избранное, потому что «[понятие] добровольного шире» [3: III, 4, 1111b]. По Аристотелю, существуют зависящие от нас действия, которые мы не сознательно выбираем, а совершаем спонтанно: «Внезапные поступки добровольными мы называем, а сознательно избранными – нет» [3: III, 4, 1111b]. Если поступок доброволен, то его источник находится в самом деятеле [3: III, 3, 1111a]. А если источник поступка находится в самом деятеле, «то от него же зависит, совершать данный поступок или нет» [3: III, 1, 1110a]. Это относится ко всем добровольным поступкам, в том числе к сознательно избранным. Об-

² Предпосылки к формированию принципа альтернативных возможностей можно обнаружить уже во взглядах Сократа: «Как же так, Аристипп, сказал Сократ, в подобных случаях разве нет разницы, по-твоему, между страданиями добровольными и невольными в том отношении, что добровольно голодающий может поесть, когда хочет, и добровольно терпящий жажду – напиться и так далее; а кто терпит эти страдания в силу необходимости, тот лишен возможности прекратить их, когда хочет?» [8: с. 58].

суждая сознательный выбор, Аристотель утверждал, что «в чем мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков, и в чем [от нас зависит] "нет", в том – и "да"» [3: III, 7, 1113b]. Таким образом, принцип альтернативных возможностей применим в концепции Аристотеля как на уровне добровольности поступков, так и на уровне сознательного выбора.

Наличие альтернативы постулируется Аристотелем в основном в качестве возможности отказаться от совершения поступка. Однако в приведенном выше фрагменте также указано, что у человека есть возможность не просто отказаться от совершения некоторого поступка, но и совершить вместо него другой поступок (в чем от нас зависит «нет», в том – и «да»).

Возможность всегда связана с неопределенностью. «Решения бывают о том, что происходит, как правило, определенным образом, но чей исход не ясен и в чем заключена [некоторая] неопределенность» [3: III, 5, 1112b]. Однако серьезная теоретическая трудность связана с тем, что понятие *возможности* в этом контексте недостаточно прояснено. Рассматривая одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, можно прийти к противоречивым мнениям относительно того, была ли у человека альтернатива совершению некоторого поступка в этой ситуации. В истории философии эта трудность обсуждалась многими мыслителями. И уже Аристотель указывал на некоторые ее аспекты. Во-первых, как было сказано ранее, теоретическая угроза для человеческой свободы возникает, если признать, что природа или платоновские идеи полностью обуславливают поведение людей. В таком случае человек не может поступать иначе, нежели он поступает. Во-вторых, человек может не иметь альтернативы в поступках в настоящий момент, поскольку он сам утратил ее в результате своих предыдущих действий: «Так, например, пьяный или охваченный гневом, кажется, совершает поступки не по неведению, но по известным причинам неосознанно и в неведении... С другой стороны, называть поступок недобровольным, если человек не ведает, в чем польза, нежелательно, ибо сознательно избранное неведение является причиной уже не недобровольных поступков, а испорченности» [3: III, 2, 1110b].

Аристотель был одним из первых философов, указавших на тесную связь свободы и ответственности. И именно в его концепции эта связь очерчена особенно отчетливо.

«Аристотель, таким образом, – пишет А.А. Гусейнов, – стоит у истоков той плодотворной и сегодня уже общепризнанной научной традиции, которая связывает специфику нравственности со свободой воли. Еще более важно, однако, что он вкладывает в понятие свободы воли ясный и глубокий смысл. Свобода воли означает для него преобладание разума, правильного суждения в противоречивой структуре человеческой мотивации» [6: с. 147]. Действительно, Аристотель стоит у истоков разра-

ботки проблемы свободы воли в этике. Однако неверно, что свобода воли трактовалась им как преобладание разума и правильного суждения, ведь это означало бы, что она лежит в основе только добродетельных поступков. Хотя вслед за Сократом и Платоном Аристотель показывал, что человек может оказаться в рабстве у своих пороков, порочность, согласно Аристотелю, добровольна ничуть не менее добродетели [3: III, 7, 1114b]. Испорченность есть нечто добровольное [3: III, 7, 1113b]. Поскольку добродетельный и порочный характеры формируются прежде всего посредством сознательного выбора, тезис о том, что свобода воли не трактовалась Аристотелем как преобладание разума и верного суждения, верен применительно не только к понятию добровольности, но и к понятиям сознательного выбора и решения (термина «свобода воли» у Аристотеля не было, но были термины «добровольность», «сознательный выбор», «решение»). Аристотель иначе смотрел на свободу, чем те философы, которые полагали, что подлинная свобода заключается в добродетели: будучи свободным, человек может быть недобродетельным и действовать вопреки правильному суждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев, П.Е. К вопросу о свободе воли / П.Е. Астафьев // О свободе воли. Опыт постановки и решения вопроса. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 400 с.
2. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Аристотель. Этика. – Москва : АСТ, 2010. – 494 с.
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Этика. – Москва : АСТ, 2010. – 494 с.
4. Брагинская, Н.В. Примечания / Н.В. Брагинская // Аристотель. Этика. – Москва : АСТ, 2010. – 494 с.
5. Волков, Д.Б. Проблема свободы воли и моральной ответственности в аналитической философии конца XX – начала XXI в. : дис. ... д-ра филос. наук / Д.Б. Волков. – Москва, 2017. – 386 с.
6. Гусейнов, А.А. Античная этика / А.А. Гусейнов. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2015. – 288 с.
7. Досократики. – Минск : Харвест, 1999. – 784 с.
8. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – Москва : Мир книги, 2007. – 368 с.
9. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Ф. Ницше // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – 864 с.
10. Платон. Государство / Платон // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 3. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.
11. Платон. Федон / Платон // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 2. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – 626 с.
12. Платон. Федр / Платон // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 2. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – 626 с.
13. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2. Ч. 2. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. – 272 с.
14. Целлер, Э.Г. Очерк истории греческой философии / Э.Г. Целлер. – Москва : Канон+, 2012. – 352 с.
15. Frede, M. A Free Will. Origins of the Notion in Ancient Thought / M. Frede // University of California Press. – Berkeley, Los Angeles, London, 2011. – 206 p.